

ВЛАДИМИР
ПОСАЖЕННИКОВ

пессимисты,
неудачники
и бездельники

Владимир Посаженников

Пессимисты, неудачники и бездельники

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3021195

Пессимисты, неудачники и бездельники: Время; Москва; 2012

ISBN 978-5-9691-1028-1

Аннотация

Владимир Посаженников – новое имя в литературе и совсем не новое в бизнесе. Он участвовал в создании торговой компании «Пятерочка», а с 2001 по 2004 год был управляющим магазинами сети в Центральном федеральном округе, Москве и Московской области. Кандидат экономических наук. Получил звание «Человек торговли 2002». Лауреат номинации «Лидер отрасли 2004». Разговоры обиженных, обманутых, оскорбленных жизнью героев его романа сегодня у всех на слуху – в электричке ли, в гастрономе, в курилке или автосервисе. Социологический да и просто логический анализ этих монологов почти невозможен – они противоречивы, непоследовательны и часто несправедливы. Но в жизни они произносятся все чаще, их авторы становятся все более нетерпимыми, а их адресаты – все более конкретными. Есть такое расхожее выражение – до ужаса похоже. Так и с этими романскими разговорами. Похоже. До ужаса.

Владимир Посаженников

Пессимисты, неудачники и бездельники

«Shit happens stile fantasy»

Федор сидел на кровати и смотрел на плюшевого зайца, который валялся возле батареи и с каким-то своим игрушечным прищуром косился на него. «Что смотришь? – вслух спросил Федор. – Презираешь? Как твоя хозяйка? Да не смотри ты так!» Федор хотел запустить в него подушкой, но что-то его остановило. Заяц каким-то образом – то ли от ветра, то ли от какой-то невидимой встряски, то ли просто устав находиться в полусогнутом положении – завалился на бок. «Ну ни фига себе, – подумал Федор. – Вот, блин, живем и не представляем: может, они, эти игрушки, тоже живые. Ну, как в мультике или в каком-то фильме. Мы засыпаем, а они начинают свою линию жизни. А заяц просто не успел принять исходное положение и облажался». Федор задумался над тем, сидел или лежал заяц вчера вечером, но на ум ничего не пришло: он даже не помнил, как добрался до кровати, не то что лежал ли, сидел или стоял этот придурочный плюшевый идиот. «А если все-таки в этом действительно что-то есть?» – подумал Федор и двинул на кухню, по пути решив, что надо бы запоминать положение предметов, перед

тем как ложиться спать, а может, даже лучше сфотографировать все, прежде чем отъехать. Блин, бред! Полный бред! Но как-то что-то все равно засело в мозгах. «Начинаю медленно сходить с ума. Алкоголизм, безработица, общая нервозность – все не просто так, и, видно, идиотские мысли про подвижного зайца – предвестники крупного фазового смещения в мозгах в сторону полной и окончательной шизофрении. Хотя, если подумать, а что мы знаем? Кто мы в этом мире? – открывая кефир, размышлял он. – Черви, неразумные черви, использующие, как говорят, менее десяти процентов того, что дано природой особям такого типа. Может быть, этот заяц, сука, ночью такое вытворяет, что нам и не снилось!» В животе что-то булькнуло, как бы подтверждая его опасения. «Надо меньше пить, как говорил герой фильма про таких, как я. Надо меньше пить – и идиотских мыслей будет меньше. А то начнешь еще с ним разговаривать! А что – дети-то разговаривают с ними на полном серьезе! Рассказывают им свои истории. А дети ведь чисты и непорочны и знают, что делают, и делают это не просто так, а зачем-то, с каким-то явным умыслом, стараются не сердить свои игрушки, зная что-то сакральное. Но с возрастом эти знания уходят, и они становятся обычной кучей придурков, думающих только о хлебе насущном и о том, как удачливее накопить бабла, получше приспособиться, про бутерброд с икрой и тетку с косой! Вот, блин, как удачно срифмовал-то – бутерброд с икрой и тетка с косой! Офигенно!» Федор глянул на часы –

было около девяти утра. Все, надо заканчивать с мистикой и собираться, умываться, одеваться и идти на очередное собеседование к очередному работо-, мать его, – дателю.

Федор уже три года мыкался в поисках достойной работы, постепенно снижая планку своих хотелок. Но парадоксальное явление: то, с чем он соглашался сегодня, вчера было для него нонсенсом и просто не входило в его умственные ворота, так как казалось слишком обидным и постыдным. Обычно через пару дней после гордого отказа работать на непрезентабельной должности и за какие-то гроши Федор был уже согласен и на это, но... Первое – он не мог сам туда позвонить, очень как-то это коробило, а они, козлы, не перезванивали, не давая ему шанса, немного повыпендривавшись, согласиться. Так из гендиректора сети салонов связи он почти скатился до продавца, хотя и старшего, в одном из салонов когда-то поглотившего их сеть конкурента. Настроиваясь на собеседование, он представлял себе картину, как целые толпы бывших работников будут приходить и стебаться над ним, задавая каверзные вопросы про преимущества той или иной модели телефона или про то, есть ли роуминг в Верхнежопинске и какая его цена днем или ночью. А купившие его сеть конкуренты будут говорить, какие они великие, а он чмо болотное, хотя и построившее самую крупную сеть в городе с нуля, и будут бросаться импортными бизнес-выражениями, с которыми, видно, не расстанутся даже находясь

на пике решения полового вопроса, выкрикивая вместо стонов и криканий: «Success или EBITDA!!!». Хотя так называемое *due diligence and rapid development* за них уже явно провели местечковые brutальные самцы из глубинки. И вот кучка этих полиглотов вместе с перебродившими экспатами, рассевшись в теплых, уютных, подогретых креслах, развивает бурную деятельность в сфере слияний и поглощений, надувая и раскорячивая компанию для одной главной цели, без которой их присутствие стояло бы под вопросом, – продажи компании «западным партнерам». В крупной российской компании обязательно хоть долю, но надо продать, так как иначе тебя в этой удивительной стране могут на раз чпокнуть: *те* найдут, как или за что, и самое лучшее, что ты можешь сделать, – прихватив немного наличности, добраться до Лондона и стать ярким оппозиционером, рассказывая, как, кому и сколько ты давал, развивая свой кровный бизнес! При этом ты, конечно же, *хороший и демократичный*, и, конечно же, не ты угробил своих бывших поделщиков и закатал в цемент толпу врагов и конкурентов в бурные девяностые! Время было такое! Или: *it happens!*

С такими «веселыми» мыслями Федор оделся и направился в офис этих, как говорит один супермажорный персонаж из TV, гламурных подонков.

Они, конечно же, отымали его по полной, и для снятия стресса было необходимо провести срочные релаксационные

мероприятия. Чтобы поддержать этот процесс морально, а в последнее время и финансово, нужен был партнер. Федор знал еще одного пострадавшего от антикризисных мер мирового капитала и позвонил Сане. Саня был ведущим юристом одной параллельно развивающейся на сетевой основе группы, при всех своих талантах имел потребность в самореализации, и она нашла воплощение в любви к дорогим напиткам с последующим обливанием русским матом кровососов и прихвостней империалистов и иже с ними. Соответственно, при первой же санации его прихлопнули недруги, и сейчас он, как и Федор, болтался между прошлым и будущим. А еще Саня был по первой своей специальности патологоанатомом с вытекающими из этого офигительными последствиями в виде разговоров с самим собой и наплевательского отношения к жизни как процессу существования на этой планете. И ведь судьба отмудохала его по полной, сделав крутой вираж в середине жизни: призвала в ряды армейских врачей. После путешествия на горные склоны Российского Кавказа естественные и не очень смерти гражданских лиц в родном городе были для него чем-то вроде ритуальных танцев собратьев великого Пятницы перед пиршеством каннибализма, которые видел Робинзон на его родном острове.

Саня, как обычно и естественно, поддержал процесс саморегуляции сознания, прибыв к нему домой по-армейски быстро и не забыв прихватить с собой так называемый тре-

возный чемоданчик, где держал самое важное на случай непредвиденных обстоятельств: пару белья, бритву, зубную щетку и старую офицерскую плащ-палатку, о которой он говорил ласково и проникновенно, уверяя собеседника, что она спасает от радиации, а это в нынешнем беспокойном мире очень актуально. Скинув финансы в общий котел и просчитав все возможные варианты, Федор на правах старшего принял решение о досрочном праздновании Дня защиты детей, таким образом надеясь хоть как-то изменить картину полной никчемности и ненужности в этом мире. Вообще-то он за три года полностью перестал верить в приметы, гороскопы, предсказания и всякую другую хрень. Все понедельники были одинаковы; все «счастливые» автобусные и троллейбусные билеты были на один вкус; все звезды, падающие с небес, были не его предметами желаний; две макушки на его лысеющей башке, как он понял, ни хрена не значат, – в общем, и здесь наметился кризис доверия, хотя он продолжал верить в силу телефонного звонка, способного перевернуть эту поганую страницу его никчемной жизни. Вот так в один из дней кто-то позвонит – и его жизнь перевернется. Может, это будет даже *сам Путин!* Такая хреновина лезла ему в голову на пике отчаяния и обычно после трех дней бурного застолья. Ну, пусть не *сам*, но кто-то от него, какой-нибудь его охранник. И скажет: «Вам, Федор, надо прибыть тогда-то туда-то, и вас будет ждать *сам*». И Федор, нафуфырившись и наподадившись, прибудет по-армейски точно и в срок и

доложит Первому о том, что готов! К чему готов – не важно: опыта работы с людьми ему не занимать, образование достойное, знание языков, армейское прошлое – там найдут ему применение! Но, понимая, конечно же, абсурдность этого, он в глубине души, как все русские люди, верил в торжество справедливости и нравственности.

Саня разлил по первой. Только выпив, он позвонил жене – а ее он называл ласково Мамулькой – и доложил, что отбыл на собеседование на Украину, где, по его словам, при формировании очередного правительства не хватает русскоговорящих юристов высшей квалификации, и у него появился шанс устроиться на работу в администрацию президента соседней республики с карьерно вытекающими последствиями; при этом на ее вой в трубку он посоветовал ей начинать учить украинскую мову, так как это впоследствии очень может пригодиться.

По третьей выпили не чокаясь, молча. Заговорили про женщин. У Саньки была не жена, а боевая подруга! Тоже врач – и, видно, это сделало свое дело. Она давно ему поставила диагноз, но любила его с молодости и поэтому все прощала. Пропившись, он всегда возвращался домой с нескрываемой печатью вины и замаливал грехи тишайшим поведением и офигенной работоспособностью по дому. Все как-то сглаживалось и возвращалось в привычное русло до следующего раза.

У Федора было все сложнее. Жена терпела его выкрутасы два года, но в один момент тихо забрала дочь и вещи и ушла, благо сама хорошо зарабатывала, да и за период Федькиного благополучия они купили квартиру ее маме в хорошем, престижном районе. Федор тосковал ужасно, но во всем винил себя, свои закидоны по поводу собственной значимости и харизматичности. А так как оба с Саней чувствовали эту самую вину, вопрос о том, как продолжить и кем насытить их одиночество, в этот период не стоял.

Пили, болтали про все подряд: про социальную обстановку, про Фукусиму, про армию, про машины – про все то, что объединяет мужиков в период откровений. Единственное, про что старались не говорить, так это про футбол. Саня был классным парнем, но болел он за «Спартак», а Федор за «Динамо», и здесь возможны были трения. Но в конце концов после первой бутылки заговорили и про это, сойдясь на том, что все беды российского футбола от «Зенита». Беседа текла в очевидно творческом ключе, пока Федор не вспомнил про зайца.

– Слушай, – спросил Федор Саню, – а ты веришь во всю эту хрень с переселением душ и вообще в потустороннее?

– А что? – переспросил Саня. – Достали?

– Кто? – удивился Федор.

– Ну, эти... духи...

– Какие, нахрен, духи? – спросил Федор. – Я про зайца

Светкиного, жены моей бывшей.

– А... И что с ним? Заговорил? – ухмыльнулся Санек.

– Запел, твою мать, – ответил Федор. – Он просто ни с того ни с сего взял да и свалился.

– Ни с того ни с сего ничего не бывает! – сказал Саня. – Это знак. Я вот в морге такого насмотрелся, что по первости без стакана не мог уснуть. Помню, был один водитель-ботаник, так тот полгода за носками ко мне во сне приходил. Ноги, говорит, мерзнут, отнеси на кладбище. А я еще во сне подумал: какие у него ноги, сожгли его. Вот такая фигня.

– А почему носки-то, а не трусы? – Федор попытался перевести разговор в более легкое русло. – Трусы-то, наверно, там нужнее, – гоготнул он над своей шуткой. – В горошек трусея!

Саня недобро посмотрел на Федора и сказал:

– Они, водители, при катастрофах обычно теряют ботинки, а иногда и носки. Даже гаишники говорят: приехали, вытащили кого-нибудь из машины после аварии, если в ботинках – значит, будет жить! А этого ботаника долго опознать не могли, горел он, вот у нас в морге и лежал. Типа как вещдок.

Федор, поняв, что Саня серьезен, решил сбавить обороты.

– Ну а через полгода-то перестал сниться? – спросил он Саню. – В церковь ходил? Или забыл он про тебя? Видно, там снял с кого! – Федор заржал в полный голос, сбрасывая напряжение. – Точно! Разул какого-нибудь папанинца – они там еще и в унтах!

Федора заносило все дальше.

– Нет, – сказал Саня, – я ему носки отнес. На кладбище, как он просил... И все сразу ушло...

Наступила пауза.

– Ну ты даешь, – ахнул Федор секунд через тридцать. – Офигеть!

Он встал и начал ходить кругами по комнате. Так продолжалось еще полминуты.

– Ну и... – выдохнул Федор. – Ты думаешь, заяц тоже того... ну, это... живой?

Саня как-то странно посмотрел на него и сказал:

– Какой заяц?

Он, видно, был погружен в какие-то свои воспоминания и, соответственно, сразу не врубился, о чем его спросил Федор.

– Заяц, Светкин заяц! Я ей из Эстонии его в подарок привез, лет семь назад, – сказал с надрывом Федор. – Синий такой, в футболке с надписью на эстонском!

– А, заяц! – Саня начал возвращаться из своих мыслей в реальность. – Да нет, заяц, конечно же, труп!

Хотя... Может, в Эстонии у них он и не труп... Не знаю. Все относительно в этом мире, – подытожил он. – Может, у них, у угро-финнов, так принято, – Саня и потянулся за бутылкой.

А разливали уже третью! Выпив, Федор собрался в туалет. По пути он решил все-таки глянуть на зайца.

– Тоже мне, эстонский предок, – нащупывая выключатель в спальне и расстегивая ширинку для праведных дел, бубнил Федор. – Эти предки финнов и угров и здесь покоя не дадут. Тоже мне, заяц! Последователь, как его там, их языческого бога? А, вспомнил! Угу! Вот тебе и Угу-гу... – найдя в конце концов выключатель и нажав на него, Федор не успел закончить фразу.

Заяц сидел. Сидел даже лучше, чем утром. Даже красивее, чем лежал.

– Твою мать! – вырвалось из груди Федора. – Едрит-передрит! – прохрипел он. Набрав воздуха в легкие, Федор что есть мочи заорал: – Саня!

Саня по скользкому паркету, как на лыжах, полетел ему навстречу, дожевывая кусок хлеба, и, совершив это головокружительное ускорение, застал друга с открытым ртом и обмоченными штанами, смотревшего куда-то в сторону батареи!

– Ну ни фига себе, – вымолвил он и потащил товарища в туалет, так как тот продолжал поливать паркет в спальне. Федор поддался, но постоянно оглядывался, выписывая одновременно круги на полу.

– Ты видел? – первое, что сказал он, доделав дела в туалете. – Нет, ты видел? Сидит!!! Он сидит!

Не вникнув в происходящее, Саня сказал:

– Да и фиг с ним, пусть сидит! – не понимая, про что Федор ему говорит, продолжил типично: – Ну и пусть сидит,

хлеба не просит же?!

Федор обернулся и вполне серьезно спросил:

– А если попросит? Дать?

Так же не врубаясь, Саня сказал:

– Дай, конечно! – чем окончательно загнал Федора в ступор.

– Дам! – уверенно сказал Федор. – Обязательно дам!

В комнате резко зазвонил телефон. Музыка звонка была торжественна и настойчива и называлась «Время, вперед!». Раньше она звучала в титрах программы «Время».

– Какого черта в двенадцать ночи кому-то надо, – подумал вслух Саня.

А Федор, видно забыв, что ради прикола перед утренним собеседованием закачал эту мелодию на общий сигнал – в надежде, что во время собеседования кто-то позвонит ему и он вальяжно скажет, что, мол, извините, знакомый депутат звонит, чем подчеркнет свою значимость и состоятельность, – офигев от рассказов Сани и приключений с зайцем, брякнул:

– Это ПУТИН!

Звонила Санькина Мамулька, так как Санька сразу после того, как проинформировал жену об отъезде, выключил свой мобильник. Федор, до конца не въехавший в реальность, сказал ей, что, мол, Санька звонил из Конотопа и у него все хорошо. Мамулька обозвала его дебиллом и положила трубку.

Всё потихоньку возвращалось на круги своя. Раздавив четвертую, решили ложиться спать, с условием на следующий день отнести зайца на кладбище к ботанику и оставить его там вместе с парой хороших вязаных носков.

Утром все пошло наперекосяк. Спустившись к почтовому ящику за «Спорт-Экспрессом» (Санька в любом состоянии должен был знать, что творится в спортивной жизни страны), Федор обнаружил там очередную платежку от управляющей компании. Платить надо было с каждым месяцем все больше и больше, на что Санька сказал, что эти ТСЖ, судя по счетам, могут содержать как минимум команды первого футбольного дивизиона, о чем предложил незамедлительно сообщить министру спорта, чтобы тот внес эти организации в программу развития массового спорта в стране. Покопавшись в инете насчет управляющих компаний, мужики поняли, что страна поддержит их начинание, – в противном случае вся эта веселуха закончится Ходынкой.

Поправившись по сто пятьдесят, поехали на кладбище, забыв, конечно, взять с собой зайца, но носки возле метро купили. Вначале, приобретя два букетика алых гвоздик, по заведенной у них традиции зашли к Ленчику. Ленчик был когда-то фигурой городского масштаба. Можете представить себе: в начале девяностых на улице провинциально-

го русского городка навстречу туристам, приехавшим посетить местную достопримечательность в виде музея старинных хомутов и подпруг, выходит пара мужиков, как две капли воды похожих на Леонида Ильича и Рональда Рейгана, идет и мирно беседует на тему, как тогда говорили, развития двусторонних отношений. Туристам не приходило в голову сразу сложить два и два, что в истории они как-то не пересеклись: их напрочь убивал шепелявый тягучий голос нашего генсека и чистый «американский» товарища американского президента. Это потом ребята узнали, что наша политическая парочка репетировала день и ночь с привлечением всей лингвистической верхушки преподавательского состава местного вуза и что товарищ Рейган, отработав двухминутную речь до автоматизма, больше по-американски ничего не знал и на вопросы импортных туристов, невесть как оказавшихся в российской глубинке, отвечал коротко и ясно: «No comments». Куда со временем пропал господин американский президент, знают только история и, наверное, его бывший партнер по переговорам, но он пропал, как только Ленчик на пике своей популярности в городе подался на выборы в мэры. И каково же было удивление политологов и социологов, когда по всем их опросам этот старый маразматик (а они так его называли) стал лидировать в предвыборной гонке! Что тут сказалось, понять не мог никто: то ли ностальгия по колбасе за два двадцать и водке по три шестьдесят две в эпоху роста цен и дефицита, то ли просто протестные

убеждения народных масс, – но шухер случился большой. Приезжали даже консультанты из центра – но нет: его рейтинг, паскуда, только рос. И вот незадача: чем больше Ленчика хаяли-поносили, тем увереннее были он и его кривая роста. В конце концов его все же сняли с дистанции, не найдя ничего лучше, чем привлечь к этому его дебила сынишку, пообещав ему, видно, проездной на городскую карусель либо экскурсию в главный «Макдональдс» страны на Тверской, но факт остается фактом: папашу он сдал. Мешая русские слова с феней, он выступил на городском телевидении, рассказав при этом, что у него есть документ, подтверждающий его, то есть отца, зоофилические наклонности, и все собаки и даже кошки в городе, если бы могли, подтвердили бы его, сына, слова. Папашу тут же, в парадном мундире маршала, скрутили и сдали в дурку на освидетельствование. Выпустили его ровно через четыре года, как раз накануне новой предвыборной гонки, но, наевшись лечебного борща в больничке, изрядно потускневший Ленчик решил лишь на то, что пришел голосовать в больничной пижаме с биркой «Первая демократическая жертва России». Дальше, видно, не пережив предательства близких, он стал угасать на глазах. После его смерти сынок, ставший к тому времени бандосом, видно, раскаявшись, спер где-то бюст Брежнева и водрузил его на могиле отца, чем сделал ее точкой скорби униженных и оскорбленных демократическими режимами разных периодов. Вот и Федор с Саней, иногда заходившие на кладбище

навестить уже ушедших друзей, завели традицию возлагать деду-баламуту букет гвоздик, заодно помянув веселое время самой дешевой на их памяти продовольственной корзины.

Потом они подошли к новому памятнику солдатам всех войн, который по замыслу автора (как говорят в народе, сделавшего точную копию с революционных матросов, встречающих поезда метро на станции «Площадь Революции»), видимо, должен был воплощать в себе связь времен, что является новым концептуальным ходом в монументальном искусстве. Ребята, если честно, были рады и такому творчеству, так как каждый, приходя сюда, нес в мыслях свое, а это невозможно было опрокинуть даже скульпторам-новаторам.

Помянув друзей и товарищей, двинули к месту захоронения загадочного ботаника. На его могиле Федор торжественно доложил покойному про свои приключения с зайцем и, хлопнув двести за упокой, попросил его разузнать *там*, может ли эстонский косой иметь душевное обличье, и по возможности проинформировать его, Федора, по налаженному каналу, то есть в ближайшем сне его товарища.

На обратном пути заехав в супермаркет и купив самое необходимое, решили каким-нибудь образом отомстить за все Федькиному ТСЖ. Санька сказал, что он как юрист высшей квалификации сейчас накрутит им хвосты, но для этого ему необходимо пробежаться в инете по базе.

Забег по базе превратился в легкое алкогольное party на балконе с соревнованием, кто смачней плюнет на машину директора этого долбаного ТСЖ. Директор ТСЖ в России – это пенсионно наследственная должность бывших глав муниципальных образований и их родственников, и все закончилось как обычно – вызовом наряда милиции сердобольными соседями. Санька пытался отговорить пенсионеров от этого шага, убеждая их, что он с ними на одной стороне, что невозможно отдавать такие деньги за такой сервис, и что если они надеются благодаря этому платить за жилье меньше, то ничего не выйдет. Все коту под хвост. Наряд старые коммунисты вызывали три раза, так как милиционеры, видимо, находились в легкой депрессии, переживая позор переименования из милиции в полицию, как будто с этим проимпериалистическим словом уйдет вся коррупционная составляющая их должностного оклада.

Приехав, милиционеры-полицейские первым делом решили начать с ТСЖ как с самой платежеспособной единицы в современной России; там, не поняв, в чем дело, отправили их к дворнику-таджику; а тот, видно, задолбавшись критикой пенсионеров по поводу плохой уборки снега и мусора, сказал что-то типа того, что могучая прокоммунистическая организация ветеранов труда приговорила трудягу – директора местного ТСЖ – то ли к кастрации, то ли к расстрелу за огромные коммунальные счета и плохую уборку террито-

рии, и для начала они, то есть пенсионеры, оплевали его авто. Федор и Санька с балкона поддержали беднягу дворника, дополнив, что это не что иное, как попытка подорвать существующий строй через диверсию, и призвали служителей закона немедленно отреагировать массовым террором. Те не заставили себя долго ждать – видно, спешили побыстрее закончить это нерентабельное с финансовой точки зрения дело – и стали долбиться в квартиру старых сексотов. Федор с Санькой ретировались с балкона, по пути рассуждая на тему злодейки-судьбы.

– А ведь в тридцать седьмом такая неразбериха могла для стариков плохо кончиться, – сказал Саня и предложил выпить за невинных жертв тоталитаризма, не забыв при этом вспомнить и помянуть своего родственника, хотя, по его предыдущим рассказам, тот сидел и был расстрелян за то, что наладил трубопровод по перекачке огненной воды с Минского ликеро-водочного завода.

Федор не стал поминать лихое и выпил с ним.

Смеркалось.

Наряд с шумом вывалился из квартиры героев первых пятилеток и удалился собирать дань в более бонусные места, поближе к местному рынку.

– Саня, а как ты думаешь, кто придумал эту хрень с ТСЖ? – спросил Федор. – Ведь куда ни глянь – все реформы, госкорпорации, нанотехнологии, куча разных названий

и организаций, результаты деятельности которых становятся либо фольклором, либо рабочим материалом для сотрудников прокуратуры.

Саня, поковырявшись в мозговом центре, изрек:

– Гоям это неведомо, хотя это явно для них. Я вот думаю, – оторвавшись от «Спорт-Экспресса» и посмотрев на Федора из-за его края, с хитрым ленинским прищуром продолжил Саня, – тебе, Федор, просто необходимо попасть в список кадрового резерва президента.

У Федора даже мелькнула мысль, что в «Спорт-Экспрессе» появилась новая политическая колонка – для тех, кто, кроме «Спорт-Экспресса», ни фиги не читает, и что, зная о массовости такой аудитории, политики добрались до самого аполитичного «боевого листка» российских болельщиков.

– А что, – продолжал вещать Саня. – Образование у тебя что надо, языки, опыта не занимать, да и смотрел я этот список – и думаю: если не исходить из конъюнктурщины, то ты бы явно там не затерялся: этакий самородок из глубинки – это сейчас в тренде.

– Ты про «черную сотню», Саня? – спросил Федор.

– Черная она или красная, какая разница, – ответил Саня, – лишь бы дело было, а там ты им всем еще накрутишь хвосты.

– Послушай, Саня, ты же видел список и прекрасно понимаешь, как там в народе: «От осинки не родятся апельсинки». Там все продвинутые, отобюрокразированные борьбой

за власть и денежные потоки. Сожрут и не поперхнутся. Да и выстроена эта линейка в жестокой межклассовой битве, случайных людей там нет, – сказал Федор.

– Наверно, ты прав, – сникнув и как бы теряя интерес к этой теме, Саня отложил наконец-то газету. – Там они все, как в «Гербалайфе», заточены и проверены на верность и преданность, им даже незачем вешать значки.

– Какие, нахрен, значки? – не понял Федор.

– Ну помнишь, раньше ходили такие пижоны со значками «Я люблю Гербалайф». А эти бы ходили со значками «Я люблю ВВП»! Или нет, более актуально: «Я люблю...»

– Не надо, – переварив быстрее Сани его мысль, усмехнулся Федор, – хотя в этом явно больше креатива.

– Да так, без задней мысли, без прикола. Я даже голосовал за него. – Он встрепенулся, как будто отделение солдат получило команду «Товсь!». – Я недодумавши, и я...

Федор решил успокоить друга и, подойдя, шепнул ему на ухо, показывая пальцем вверх:

– *Он* знает!

Санька вообще был фантазер, и его постоянно заносило, особенно под влиянием горячительных напитков, а с учетом мистики, сопутствующей работе с усопшими, его сознание плавало и во сне, и наяву. То носки на кладбище носит, то Федора в президентские списки включает – сплошное Fantasy and Mystery! Один раз Федор видел, как Саня разговаривал с чайкой, которая каким-то образом оказалась

в их краях. Так вот, он ей объяснял, как добраться до моря. Та сидела на столбе и как бы слушала его; потом, когда он ей разложил все по полочкам, она встрепелулась и улетела. Добралась она или нет – неизвестно, но рванула точно в сторону Питера, то есть к морю. Так что необходимо было принимать превентивные меры. Да и время поджимало.

Засобирались. Надо было как-то оживлять обстановку, тем более что время неумолимо двигалось к двадцати двум, а это новый чекпойнт для родной страны.

По дороге в супермаркет обсуждали выложенное в инете порно Волочковой и возвращение на киносцену Охлобыстина. Первое признали полным провалом, второе – успехом, хотя и с некоторой натяжкой. Коснулись темы отмены техосмотра, но вяло, как бы понимая, что это один из последних патронов в предвыборной обойме политпиара.

Проходя мимо старой, дореволюционной часовни, заметили мужичка странного вида, который сидел под мраморной доской с надписью: «Произведение искусства. Охраняется государством». Надпись офигенно гармонировала с внешним видом сидящего под ней бедолаги. На нем были армейские сапоги – те, которые еще из прошлых, советских времен, – и камуфляж современного российского офицера, но на погонах не было звездочек; сохранился выцветший след от звезды на каждом из них, только уж слишком большой. Но не это заставило остановить на нем взгляд: на го-

лове у мужичка была кепка-бейсболка солдата армии США, песочный цвет которой явно диссонировал с темнозеленым цветом камуфляжа. Бейсболка была надета задом наперед, так что можно было прочесть фамилию солдата, носившего ее.

Федор, поравнявшись с горемыкой, притормозил и прочитал вслух:

– ALLMIGHTY!

«Что-то знакомое», – мелькнуло в мозгу, но Федор продолжил движение вперед, так как сейчас время было на стороне президента и правительства, и это не давало расслабиться ни на секунду, хотя мысль о переводе на русский язык не покидала его и в магазине.

Выйдя на крыльцо супермаркета, Федор радостно крикнул: «Вспомнил!» – чем распугал суетливых прохожих и доходяг, толкущихся возле торговой точки в час икс.

– Что вспомнил? – спросил Саня. – Забыл что-то купить?

– Нет, вспомнил, что за хрень у него написана на кепке, – сказал Федор. – «Всемогущий» у него написано, по-английски. Это как в фильме «Брюс Всемогущий» – помнишь, был такой, еще Джим Керри в главной роли. Ну? Вспомнил? – не унимался Федор, глядя в глаза товарищу. – Я его три раза смотрел, прикольный фильм.

И Федор лениво, с чувством выполненного долга поплелся в сторону дома. Саня пошел за ним.

Сначала они его услышали. Мужичок пел что-то удивительно знакомое, но на непонятном языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.